

сферы индивидуального бессознательного, экзистенциальные чувства (типа «тревоги», «заброшенности», «отчаяния») и т.п. Консонанс философа с самим собой, его философского ratio с его же экзистенциальной настроенностью – в этом я усматриваю суть диалогической вертикали авторского философского текста. «Нададресат» естественнонаучного текста – изучаемый фрагмент природы, согласие с которым достигается посредством логики и эксперимента. Богословский текст таковым имеет Библию. Философский же текст адаптируется к чувству жизни его автора, и поэтому аутентичное истолкование содержания этого текста предполагает психологическую экспертизу личности философа. «Подобно тому, как художники воплощают в типы, объективируют в художественные образы личное и глубокое выстраданное и тем как бы снимают с себя страдания, метафизики нередко объективизируют характерные черты своей собственной личности в мировоззренческую сущность» [4]. Разумеется, с помощью открытий новейшей психологии невозможно диагностировать все особенности мировоззрения автора философского текста, однако они достаточны для того, чтобы служить одним из оснований в объяснении феномена плюрализма в философии. Как знать, может одна из его причин сокрыта в дистинкциях перинатальных переживаний авторов философских текстов? Мой же тезис состоит в следующем: абсолютно несостоятельна чисто предметная интерпретация авторского философского текста. Философский текст надо прочитывать, по возможности, «глазами» его автора, и эта возможность реализуется по мере того, как нам удастся восстановить обозначенное выше трехадресное диалогическое пространство этого текста.

Литература

1. Кротков Е.А. Специфика философского дискурса: логико-эпистемические заметки // *Общественные науки и современность*. – 2002. – № 1.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
3. Тарнас Ричард. История западного мышления / Пер. с англ. Т.А. Азаркович. – М., 1995.
4. Тиме Г.А. Пессимизм духа и оптимизм Абсолюта // *Вопросы философии*. – 2000. – № 7.

Антонов Е.А.
(БелГУ, Белгород)

Концепция рационализма Н.Н. Страбова и современность

В начале XXI столетия особенно явно обнаруживаются глобальные негативные последствия практической реализации той рационалистической парадигмы, которая была характерна для классического периода развития философской и научной мысли. Как известно, рационализм в качестве целостной системы гносеологических воззрений складывался в западной

культуре Нового времени под воздействием успехов развития математики и естествознания. Научный образ мира, базирующийся на механике, становился метафизичным и эстетически, и нравственно нейтральным. Произошло освобождение науки от ценностей и идеологической ориентации. Это открывало широкую дорогу для безнравственности. Свое логическое завершение рационализм Нового времени получил в панлогизме Гегеля. Преодоление классического рационализма силами одной логической мысли в то время оказалось невозможным.

Эффективное решение возникших проблем возможно благодаря переходу от механистического мировоззрения, базирующегося на принципе редукционизма, к органическому миропониманию с его принципом синергизма. Это предполагает формирование органического видения человека и мира как единого гармонического целого. В качестве важнейшей предпосылки формирования нового мировоззрения следует рассматривать русскую культуру с ее органистическими тенденциями. И здесь в первую очередь нужно обратиться к славянофилам и почвенникам, которые приняли активное участие в формировании органического мировоззрения своего времени.

В творческом наследии замечательного русского мыслителя 2-й половины XIX в. Н.Н. Страхова (1828-1896), часто относимого к почвенникам, значительное место занимает проблема рационализма. И это вполне понятно, поскольку он, в течение четырех десятилетий «так напряженно живущий мыслью, не смог не стать рационалистом» (В.В. Розанов).

Проблема рационализма ставилась и решалась Страховым в социокультурном контексте второй половины XIX века, когда одновременно происходили два взаимосвязанных процесса. С одной стороны, наблюдалось формирование русской философии, а с другой – начиналось осознание пределов рационального освоения мира и распространение иррационалистических идей и концепций.

«Европейское просвещение, – писал он, – этот могущественный рационализм, это великое развитие отвлеченной мысли должно быть для нас побуждением к ... сознательному уяснению наших собственных духовных инстинктов» [1, С.5]. По его мнению, «все мы отчасти рационалисты, потому что во всяком деле мы неизбежно рассуждаем, а если рассуждаем, то, значит, прибегаем к каким-нибудь началам и приемам разума, и даже всегда стараемся проводить эти приемы и начала как можно дальше» [2, С.148]. От такого естественного рационализма не свободен ни один человек (если он, конечно, не лишен разума), в том числе и человек верующий. И это, действительно, так, хотя многие ревнители веры не подозревают, что рационализм вообще есть дело неизбежное, что сами они на каждом шагу оказываются рационалистами.

Во второй половине XIX века происходило стремительное нарастание вражды к рационализму. И «эта вражда упорно ведется всеми спиритуалистами, материалистами, верующими и скептиками, философами и натуралистами», – отмечал Страхов. Он видел враждебность к рационализму со сто-

роны его современников, но считал, что в условиях зарождения русской философии эта критика, может сослужить плохую службу. По мнению Страхова, могущественный рационализм европейского просвещения как великое развитие отвлеченного мышления должен быть побуждением к сознательному уяснению наших собственных духовных инстинктов. Понять и усвоить дух рационализма необходимо для развития нашей духовности и национального самосознания. Вместе с тем философ осознал неудовлетворенность рационализмом, подчеркивая, что никакого выхода из рационализма не может существовать внутри него самого. За пределами рационализма сначала открывается «тьма», затем пробуждается потребность чем-либо восполнить рационализм, найти выход из него. Вся последующая работа философа есть стремление найти выход за пределы рационализма в область живой и высшей действительности. Его идеи созвучны современности. Такой известный математик и философ XX века, как Уайтхед, пишет: «Подлинный рационализм должен всегда выходить за свои пределы и черпать вдохновение, возвращаясь к конкретному» (Уайтхед. Избранные работы по философии. – М., 1990. – С.263).

Мысль о границах рационального познания пронизывает многие философские произведения Страхова, способствуя глубокому осмыслению различных типов рационализма и его границ. Он отмечал, что рационализм никогда не может найти в самом себе удовлетворения, так как человеческий дух не может исчерпать себя в каком-либо из жизненных элементов.

Продолжая критику рационализма, начатую И.В. Киреевским и А.С. Хомяковым, Страхов выделил более конкретные его типы, распознав идолопоклонство рассудка как один из его главных корней. Речь идет об идолопоклонстве материальной цивилизации, основанной на «бездумном рационализме» и слепой вере в разум при игнорировании других элементов жизни. Отказываясь от этого рационализма, философ становится на позиции почвенничества и признает «бессознательный» момент в историческом процессе, считая, что восполнение рационализма человек находит в искусстве и религии.

Убеденный рационалист, Страхов прошел хорошую школу естествознания и немецкой классической философии, выработал твердый взгляд на жизнь и веру в могучую силу научного познания. Защиту научного рационализма от радикального нигилизма он осуществлял в связи с тем, что наука представлялась ему в качестве совершеннейшего проявления рационалистического воззрения на мир. На этой основе он создает систему «рационального естествознания». Вместе с тем философ осознал, что наука при всем ее могуществе не удовлетворяет человека, поскольку дает механистическую, одностороннюю картину мира. В классической науке принцип рациональности был оторван от реализации гуманистических ценностей. Отсюда вытекали его протест против универсализации механико-математического естествознания, его критика материализма и эмпиризма как определенных ступеней познания мира.

Наряду с этим Страхов видел трудности и проблемы, связанные с абсолютным отождествлением научной рациональности с рациональностью вообще, и считал, что ее анализ требует выхода в более широкий социокультурный контекст. Это было расширительным толкованием рациональности, под которой понимался способ познания действительности, основанный на разуме.

Третьим типом Страхов называет «исключительный, ложный рационализм» который состоит в том, что люди, стремящиеся к полному рационализму, отличаются от других тем, что больше других отрицают и сомневаются. Они, как правило, являются резонерами и не способны к творческому мышлению. Их главная задача состоит в тотальном низвержении прежних устоев, в разрушении, а не творческом созидании. Страхов осознавал недостаточность рационализма и в то же время утверждал, что в своей сфере рационализм неопровержим, что есть «вечные истины, без которых нельзя ступить ни науке, ни истинной философии».

Наряду с названными типами рационализма в работах философа можно найти зародыши новой традиции рациональности, связанной с идеей гармонии целостного мира. Этот, четвертый тип рационализма основан на соединении античной идеи космоса с ныне восстанавливаемыми в своих правах категориями меры и гармонии. Такая органическая рациональность, предполагающая соединение гармонической целостности мира и ответственности личности за свою свободу выбора пути, выходит за границы классики. Она является составной частью складывающегося неклассического рационализма, являющегося основой органического мировоззрения.

Неклассическая трактовка целостности в творчестве русских органицистов, включая Н.Н. Страхова, содержала в себе антиредукционистскую установку. Эти мыслители во многом подготавливали почву для формирования синергетики, научного направления второй половины XX столетия, исследующего сверхсистемный эффект. Они прокладывали дорогу новому мировоззрению. Страхов в своей работе «Мир как целое» специально раскрывает несостоятельность атомистов от древности до современности. До революционных открытий в физике конца XIX века он делает вывод о том, что если атом существует, то он должен быть активен, как монада, и сложным, как клетка.

Характеризуя органицизм, Страхов писал: «Его положения с первого же разу кажутся то совершенно простыми и ясными, то необыкновенно дерзкими и решительными». Целое в органической картине мира не представляет собой механическую совокупность, арифметическую сумму простых и абсолютно автономных частей, поскольку организм – это динамическое единство. Развиваемые Страховым и другими органицистами второй половины XIX века идеи естественной объективной целесообразности, присущей миру и каждой его составляющей органической целостности, во многом подготавливали теорию самоорганизации, разрабатываемую сегодня кибернетикой и синергетикой.

В иерархии систем по степени сложности их организации особая роль отводится человеку как высшей цели эволюции Вселенной. Для Страхова человек – тайна, «величайшая загадка и величайшее чудо мироздания». Тайна

всего яснее раскрывается в нас самих, в собственной нашей душе. В связи с этим Страхов, по мнению Н.Я. Грота, приходит к «рациональному мистицизму». Такой сверх-рационализм Страхова обособляет его от Гегеля и других западноевропейских философов. Он надеялся, что люди, осознавая свое духовное величие, гармонию с природой, будут стараться постигать новые смыслы своего культурно-исторического существования через постоянную работу духа.

Страхов разработал рациональную антропологию, учение о месте человека в природе. Путь самопознания требует, по его мнению, особого рода мышления, особого типа рациональности, который неизвестен науке, достигающей своих целей с помощью исследования «объективности» всех явлений. Можно вполне определенно сказать, что Страхов придерживался созерцательного рационализма, являющегося переходом от религии к естествознанию. Но это именно созерцание, а не активный рационализм, присущий западноевропейской культуре, который ищет разума в природе и устанавливает его в обществе. Для Страхова характерна мудрость созерцания, «вчувствование» в философские и художественные произведения и эстетизм высшего порядка. Рациональный ответ на вопросы об окружающем мире сочетался у него с иррациональным отношением к душе человека, к самому человеку как загадке философии, что позже получило развитие в экзистенциализме.

В работах Страхова можно найти диалог науки с мистикой, что проявилось, в частности, в его споре со спиритизмом, а также при рассмотрении религиозных проблем. Во имя науки и разума он выступал против неумеренного спиритуализма и спиритизма, которым увлекалась русская интеллигенция во 2-й половине XIX века. Его философия называлась иногда разграничительной разделительной. И он, действительно, не допускал смешения научных и религиозных проблем, отдавая богу богово, а кесарю кесарево.

Подводя итоги рассмотрению рационализма Страхова, хочется сказать, что его идеи созвучны нашему времени в плане экологическом и космическом. Задумаемся над его высказываниями о разуме и его возможностях и будем адекватно решать проблемы, стоящие сегодня перед Россией и всем человечеством.

Литература

1. Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. – СПб., 1887. – Кн. 1.
2. Страхов Н.Н. Воспоминания и отрывки. – СПб., 1892.

Поддубный Н.В.
(БелГУ, Белгород)

Системные основания рационализма

Проблема рациональности по многим причинам сейчас является одной из центральных в современной философии. Многовековое доминирование